

АНАСТАСИЯ АЛЕКСЕЕВНА АФАНАСЬЕВА

старший преподаватель кафедры прибалтийско-финской филологии Института филологии
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
anastasia20085@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ОЙКОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СЯМОЗЕРЬЯ*

Предпринята реконструкция цепочки изменений в развитии ойконимов на территории Сямозерья, отразившихся в письменных источниках на протяжении второй половины II тыс. н. э., предложен анализ причин инноваций. Для наблюдения за динамикой ойконимической системы исследуются исторические документы начиная с XVI века. Рассмотрены три ойконимные модели, объединенные отантропонимными истоками: ойконимы с формантом *-l/-lu*; ойконимы, включающие в свою структуру термин *selgy* ‘сельга, гора, возвышенность’; ойконимы, идентичные антропонимам. Актуальность исследования состоит в выявлении определенной хронологической дистрибуции в данных моделях. Также доказывается существование двух уровней номинации – официального и неофициального. Показано, что параллельно могут существовать сразу два названия одного поселения: одно прослеживается в документах прошлых веков, второе – в устной практике. Приводится этимология наименований, восходящих к календарным и некалендарным именам.

Ключевые слова: ойконим, антропоним, топонимные модели, карельская топонимия, Карелия, карелы-ливвики
Для цитирования: Афанасьева А. А. Эволюция ойконимической системы Сямозерья // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 7. С. 64–71. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.540

ВВЕДЕНИЕ

Ойконимическая система любой территории содержит хронологически разные элементы. В Сямозерье она включает в себя некоторые названия кустов поселений, восходящие к гидронимам, которые имеют доприбалтийско-финские истоки. При этом многие из современных ойконимов – наименований кустов поселений отмечены уже в первых известных документах массового характера по территории южной Карелии – писцовых книгах XVI века, то есть возраст их насчитывает не одну сотню лет. С другой стороны, считается, что ойконимия – наиболее социально обусловленный класс географических названий, отражающий изменения в социальной и экономической жизни населения. Иначе говоря, наряду со стабильностью система характеризуется и значительной изменчивостью. Это достаточно пестрое единство, элементы которого характеризуются разным временем появления, спецификой в номинации отдельных ойконимических разрядов. Объединяющим же началом служит то, что все они являются названиями сельских поселений.

В статье анализируются три ойконимные модели, имеющие разный возраст, но объединенные отантропонимными истоками, то есть тем, что включают в свой состав антропоним – лич-

ное или родовое имя, фамилию или прозвище. Причины актуальности отантропонимных моделей кроются в исторических, социально-экономических и географических факторах. Северная деревня изначально была однодворной и в дальнейшем продолжала оставаться мало-дворной. В такой ситуации наиболее естественный способ номинации – указание на первопоселенца, владельца крестьянского двора [4: 85]. Материалом для анализа послужили, с одной стороны, письменные источники: писцовые книги XVI–XVII веков, ревизские сказки конца XVIII–XIX веков, а также списки населенных мест конца XIX – начала XX века, отражающие официальный срез наименований. С другой стороны, привлечены материалы полевых экспедиций, в которых представлены карельские народные (то есть не имеющие официального статуса) антропонимы. Привлечение документов прошлых веков позволяет проследить динамику в становлении ойконимической системы.

-L-ОВАЯ ОЙКОНИМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

Сямозерье – это территория значительной активности ойконимов с формантом *-l/-lu* [6: 34], хотя оно и уступает в этом плане Олонецкой округе. Насколько традиционна эта прибалтийско-финская ойконимная модель для Сямозерья?

Для ответа на этот вопрос привлечены исторические документы начиная с XVI века, то есть самые ранние по этому району. В них не обнаружено ни одного ойконима *-l*-овой модели. Значит ли это, что в то время ее еще не было на Сязозере? Вряд ли, и не только потому, что модель представлена во всех прибалтийско-финских топосистемах, то есть имеет глубокие, возможно, еще праязыковые корни. В материалах писцового дела XVI века обнаруживается несколько ойконимов из южного Сязозерья, Кунгозерской и Сязозерской волостей, явно имеющих в основе антропоним и оформленных по русской посессивной модели на *-ин-* или *-ов-/ев-*, которые в более поздних документах XVII – начала XVIII века переоформляются в *-l*-овую модель:

В наволоке, словет в Кожине (1563 год) – *Кожала* (1657 год), *В Мягре наволоке, а ныне словет в Курвой наволоке* (1563 год) – *Курмойла* (1707 год), *На Сязо ж озере в Кишкюеве наволоке Павелка Ондреева* (1582/83 годы) – *Кишкоила* (1657 год), *На Сязозере Безсуньевых* (1582/83 годы), *На Сязо-озере Безсуньевых, а Есуева тож* (1610-е годы) – *Яссойла* (1667 год), *На Сязозере в Кяргине (Кяргине?) наволоке* (1563 год), *в Кяргино* (1657 год) – *Кяргила* (1707 год).

Соответствующие карельские варианты выглядят как *Kožoilu*, *Kurtoilu*, *Kiškoilu*, *Jessoilu*, *Kärgel*. Не все из них этимологически прозрачны, хотя в основе большинства возможно восстановить карельский антропоним – календарный или некалендарный:

Jessoilu (*D'essoilu*), рус. *Эссойла*: *Jessoī* (*D'essoī*) – Ефим;

Kurtoilu, рус. *Курмойла*: кар. *kurmoi* ‘обжора’;

Kiškoilu, рус. *Кишкоила*: кар. *kiiškoī* ‘ерш’; слово использовалось для обозначения непокладистого, ершистого человека.

Почему в XVII веке происходит смена модели? Видимо, на официальный уровень бытования выходят неофициальные, народные карельские варианты топонимов. Они зафиксированы в двух документах XVII века, которые имеют иной статус по сравнению с писцовыми книгами: список 1657 года представляет собой солдатскую перепись¹, а 1667 года – перепись карел – зарубежных выходцев², перебравшихся на территорию Олонецкого погоста из шведской части Карелии. Они, как представляется, не были жестко связаны с материалами писцового дела и оперировали в том числе народными карельскими ойконимами. Надо полагать, что определенным катализатором придачи официального статуса народным ойконимам на *-ла* мог послужить и рост числа поселений с названиями этой модели в XVII веке

в связи с подселением «зарубежных выходцев» из приладожского Корельского уезда, где ойконимы *-l*-ового типа носили массовый характер. Документы упоминают таких на рубеже XVII–XVIII веков в Сязозерье в деревнях *Архойла* (совр. *Арькойла*), *Олкойла*, *Пичулы*, *Кяргела*, *Проккойла*, *Пришкойла* и др. (1707 год).

Итак, *-l*-овая модель не отражена в исторических материалах XVI века напрямую, поскольку в них использована другая формула именования поселений, заданная для отантропонимических названий самим форматом документов. Однако имеются косвенные основания утверждать, что она, безусловно, бытовала в то время в устной карельской практике, а ее закреплению на официальном уровне в XVII веке способствовала продуктивность модели в карельском Приладожье, откуда происходил активный отток населения на восток, в том числе в Сязозерье.

В дальнейшем происходит незначительный прирост ойконимов *-l*-овой модели на протяжении XVIII века, она продолжает сохранять некоторую активность еще и в XIX веке. Так, в начале XIX века впервые упоминаются *Игнойла* в виде *Игнола*³, *Кюръела* (кар. *Kurjäl*) как *Кюръяла*⁴, новопоселенная *Рубчойла*⁵. К 1870-х годам относятся первые упоминания о деревнях *Ватчайлы* или *Ватчойла* (совр. *Ваччойла* – кар. *Vuačšoiilu*), *Маккойла* – кар. *Маккоилу*, *Панпила* – кар. *Pappil* в составе Вешкелицы, *Глимойлы* (совр. *Глимойла* – кар. *Glimoilu*), *Гуройлы*, *Гуройла* (совр. *Хуройла* – кар. *Huroilu*), *Падройлы* (совр. *Падройла* – кар. *Padroilu*), *Пеккелы*, *Пеккела* (совр. *Пеккила* – кар. *Pekkil*) в Часовенской волости. При этом большинство из них не попало еще в официальный Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям 1873 года⁶, эти сведения обнаружены нами в документе 1873 года под названием «Таблицы подробного вычисления угодий дачи с. Сязозеро Салминской волости Петрозав. уезда Олон. губ.», хранящемся в НАРК (Ф. 33. Оп. 69. Д. 1/1). Лишь к XX веку модель теряет продуктивность. Эта поздняя хронология вполне согласуется с тем обстоятельством, что еще в начале XX века в Сязозерье бытовали именованные домов, оформленные суффиксом *-l*, на остальной ливвиковской территории они были к этому времени уже утрачены⁷. Известно, что названия поселений *-l*-овой модели генетически восходят как раз к наименованиям домов.

При установлении хронологии важно еще раз подчеркнуть, что первая письменная фиксация ойконима в документе необязательно отражает

факт его рождения, а только лишь закрепления на официальном уровне бытования. В бытовании ойконимов различается народный и официальный статус. Ойконим, рожденный в народной среде, необязательно закреплялся в документах, для которых важно два обстоятельства: формульность, заложенная форматом документа, и преемственность, существенная с точки зрения владельческих отношений и налогообложения, в то время как в народной среде ойконимы реагируют на изменения обстоятельств, связанных, например, со сменой владельца двора [5: 122], что было не такой уже редкостью при одно- и малодворных деревнях. Писцы знали об этом и в ранних документах использовали формулу «а в волости зовут» или «ныне словет», чтобы привести в соответствие официальное и народное наименование. К примеру, деревня Курмойла в писцовых книгах середины XVI века называлась *В Мягре наволоке, а ныне словет в Курвой наволоке*⁸. Сквозной анализ источников свидетельствует о том, что такая ликвидация разрыва происходила и позже. Знаменательны в этом отношении материалы ревизских сказок середины XIX века, в которых приводится параллельно два названия поселения: одно восходит еще к традиции, идущей из писцовых книг XVI–XVII веков, а другое бытует в народной среде и в дальнейшем, в более поздних источниках становится единственным. Особенно показательна в этом отношении 9-я ревизия 1850 года, которая практически служит связующим звеном между писцовыми книгами и списками населенных мест XIX века.

В Сямозерье целая группа ойконимов на *-ла* впервые зафиксирована именно в материалах 9-й (иногда 8-й) ревизии середины XIX века, при том что сами поселения возникли не позднее XVIII века, но зафиксированы документально под другими названиями. Деревня *Минойла* (кар. *Miinoilu*) изначально называлась *Новопоселенная после прежней переписи деревня Пертозерная*⁹, *Пертозерная Сельга*¹⁰ и только в 1850 году стала иметь близкий к современному названию вид – *Минала*¹¹. Другие примеры:

Тавишала: *Новопоселенная после прежней переписи деревня Кодаозерная*¹², *Кодаозерная Сельга*¹³, *Тавишала* (она же *Кодаозерная сельга*)¹⁴; *Хоккойла* (кар. *Hokkoil*, *Hokkoilu*) – *Новопоселенная после прежней переписи деревня Сенолядинная сельга*¹⁵, *Гоккойла* (она же *Сенолядинная сельга*)¹⁶; *Савала* (кар. *Soaval*): *Лунозеро*¹⁷, *Лунаозеро* (*Лунозеро*)¹⁸, *Савала* (она же *Лунас озеро*)¹⁹; *Чуккойла* (кар. *Čukkoilu*): *Кунгозерская, новопоселенная*²⁰, *Вновь поселенная Кунгозеро*²¹, *Чуккойла* (она же *вновь посе-*

ленная Кунгозеро)²²; *Лумбила* (кар. *Lumbil*): *Карбойгора* (*Кярбойгора*)²³, *Лумбила* (она же *Кярбой гора*)²⁴.

Здесь, с одной стороны, традиционная для официальных реестров XVIII века модель именования, фиксирующая характер поселения («новопоселенная») и его расположение, с другой – традиционная карельская *-I*-овая модель, свойственная для именований населенных мест, первоначально – однодворных поселений, собственно домов, в название которых вынесен антропоним, то есть личное или родовое имя или прозвище владельца крестьянского двора. В приведенных выше примерах это *Miinoi* – карельский вариант русского календарного имени *Мина*, *Taušoi* – рус. Давыд, *Hokkoi* – рус. Фока, *Soava* – рус. Савва [3], [10], а также два некалендарных антропонима *Lumbi* и *Čukko* с неясной этимологией.

В этом контексте народные названия на *-ла*, безусловно, старше, чем их первая фиксация в документе. Они в принципе могут быть ровесниками официальных именований XVIII века, однако их жизнь вплоть до середины XIX века была ограничена лишь сферой устного бытования. Не вполне ясно, почему в рамках 9-й ревизии происходит их переход на официальный уровень. Стоит, однако, отметить, что аналогичный процесс наблюдается, по крайней мере, по всей территории южной Карелии, а возможно, и шире. Не исключено, что за ним стояли некие распоряжения и предписания государственного порядка.

МОДЕЛЬ ОЙКОНИМОВ С ФОРМАНТОМ *-СЕЛЬГА*

Вторая ойконимная модель, в которой актуализированы антропонимы, – это названия, включающие в свою структуру термин *selgy* ‘сельга, гора, возвышенность’. Сележные места играли важную роль в традиционной культуре подсечного земледелия, поскольку использовались под подсечные угодья. Часть из них заселялась в ходе внутренней миграции из материнских деревень, в результате появилась довольно разветвленная сеть водораздельных поселений, в названиях которых могло воспроизводиться название сельги. Однако рождались и новые топонимы с основным элементом *-selgy*, в том числе такие, в которых атрибут был выражен антропонимом – именованием поселенца. Далее несколько примеров ойконимов с детерминантом *-selgy/-сельга*:

Мулдусельга, кар. *Mulduselgy*: кар. *muldu* ‘почва (как правило, плодородная)’; *Корбисельга*, кар. *Korbiselgy*: кар. *korbi* ‘глухой еловый лес’; *Нинисельга*, кар. *Niiniselgy*: кар. *niini* ‘липа’; *Еройнсельга* кар. *Jeroinselgy*: кар. *Eroi* ‘Еремей’.

Анализ материала – как исторического, так и современного – показывает, что ойконимная модель *-selgy/-сельга* распределяется по территории Сямозерья неравномерно, она явно превалирует на западе, на территории Чалкосельгской, Вешкельской и Часовенской волостей, что, очевидно, определяется ландшафтными особенностями местности. Показательно, что эта ареальная дистрибуция четко проявляется и в неантропонимных наименованиях – названиях возвышенностей или угодий на сележных местах. Самые ранние фиксации модели относятся к началу XVIII века: *Чалко-селга*²⁵ (совр. *Чалкосельга*, кар. *Čalkinselgy*), *На Лухты-селги в лесу*²⁶ (совр. *Лухтансельга*, кар. *Luhtanselgy*), *Ниниселга*²⁷ (совр. *Нинисельга*, кар. *Niiniselgy*), *Вехкуселга*²⁸ (совр. *Вехкусельга*, кар. *Vehkusel'gy*) и др. Надо полагать, что их возникновению способствовал не только естественный рост населения, но и та волна освоения западного Сямозерья, которая была связана с возвращением сюда беглецов после завершения Северной войны между Россией и Швецией (1700–1721) [1].

Сквозной анализ этой группы ойконимов по источникам разного времени, как и в случае с топонимами на *-ла*, демонстрирует определенную динамику в изменении топонимов, при этом вновь в середине XIX века, в ходе 9-й ревизии, происходит смена топонима. Так, *Новопоселенная после прежней переписи деревня Баенная селга*²⁹ преобразуется в *Кюлю сельга*³⁰, при кар. *kuļu* ‘баня’. Точно так же *Новопоселенная после прежней переписи деревня Сенолядинная селга*³¹ меняет в документах название на *Гоккойла*³², а *Пагаколамби*³³, *Пагакуламминсельга* (*Пагакуламбинсельга*)³⁴ становится деревней *Аркинсельга*³⁵ и др. Можно с большой долей уверенности утверждать, что здесь вновь на официальный уровень выходят названия, бытовавшие в народной среде. Особенно показательна переводная пара *Баенная селга* и *Кюлю селга*, в которой примарен, конечно, карельский народный оригинал *Kylyselgy*, закрепившийся и существовавший в документах на протяжении 100 лет в переведенном виде. Два следующих примера демонстрируют разный формат ойконима: в официальном виде он воспроизводит название природного объекта, а в народном ориентирован на антропоним – имя основателя поселения. Аналогичный процесс засвидетельствован и современными полевыми материалами: деревня *Корбисельга* (кар. *Korbiselgy*) в народе именуется также *Тимохпиелу*, а дер. *Лухтансельга* (кар. *Luhtanselgy*) в устной практике называется *Meloilu*. Оба ойконима

с компонентом *-сельга* зафиксированы впервые в документах XVIII века. Народные же варианты *-l*-ового типа зафиксированы только от информантов.

Модель *-сельга* продолжает сохранять активность на всем протяжении XVIII века. В конце столетия впервые фиксируются сележные деревни *Геройлева гора*³⁶, *Еройнсельга*³⁷ (совр. *Еройнсельга*, кар. *Jeroinsel'gy*, *D'eronselgy*), *Кончи сельга*³⁸ (совр. *Канчинсельга*, кар. *Kančči*), *Майсельга*³⁹ (совр. *Масельга*, кар. *Moaselgy*), *Мулдусельга* (*Мундусельга*)⁴⁰ (совр. *Мулдусельга*, кар. *Mulduselgy*), *Подкусельга*⁴¹ (совр. *Поткусельга*, кар. *Potkuselgy*). По-прежнему актуализируются два мотива именования: антропонимная, сохраняющая имя основателя или владельца поселения, а также локальная, отражающая привязку поселения к местности. Активность модели *-сельга* сохраняется и в XIX веке, хотя она уже идет на спад. В это время появляются *Кюренсельга*, *Кюрю сельга*, *Кюрин сельга*⁴² (кар. *Kuuröinsel'gy*), *Логинсельга*⁴³ (кар. *Loginsel'gy*), *Тимойсельга*⁴⁴ (кар. *T'imoiselgy*). Примечательно, что они не отражены в официальном Списке населенных мест по сведениям за 1873 год, что, очевидно, обусловлено их рождением в период, непосредственно предшествующий составлению списка, то есть они попросту не успели попасть в него. Названия образованы от антропонимов: *Кюренсельга* (кар. *Kuuröinsel'gy*): кар. *Kuuröi* ‘Кирилл’, *Логинсельга* (кар. *Loginsel'gy*): кар. *Login* ‘Логин’; *Тимойсельга* (кар. *T'imoiselgy*): кар. *Timoï* ‘Тимофей’.

ОЙКОНИМ ИДЕНТИЧЕН АНТРОПОНИМУ

Рубеж XIX–XX веков характеризуется появлением еще одного типа населенных мест, связанного с рождавшимися в это время хуторами и выселками, отпочковавшимися от родовых деревень. В их названиях закрепляется имя или прозвище основателя поселения в «чистом» виде, то есть без дополнительного оформления формантом или детерминантом. Примером могут служить хутора, возникшие в последней четверти XIX века, с названиями

Barti (*Барти*), *Bogdi* (*Богды*), *D'ekku* (*Декку*), *Mul'ugu* (*Мулюга*), *Pedri* (*Педри*), *Närhin Lukki* (*Нярги-Лукка*), *Ahpoi Mikki* ~ *Ahpoi-Mikki* (*Ахпойн-Микки*), *Borissu* (*Борисово*), *Šalgu* (*Шалгу*), *Švietta* ~ *Švietto* (*Шведка*), *Šomba* (*Шомба*), *Akiman Iivana* (*Акиман-Иивана*), *Krakuli* (*Кракули*), *Tykku* (*Тюккуево*, *Тюккуевская*).

При этом продуктивность модели способствовала тому, что она в некоторых случаях заменила примарный топоним, образованный по иной формуле или от иной основы. К примеру, дер.

У Мудых озер (У Мудрых озер, У Мудрья озера)⁴⁵, возникшая в конце XVIII века, переименовывается через столетие в Гюбий, у мудрых озера⁴⁶ – совр. Гюбия (кар. *Huubii*) Чалкосельгского сельского совета. Деревня *Лешка* (кар. *Leški*), которая фиксировалась первоначально как *Лешкалы*⁴⁷, то есть как ойконим *-l*-овой модели, преобразуется к концу XIX века в *Лешки*, *Лежка*⁴⁸.

В основе топонимов этого типа реконструируются антропонимы – карельские варианты православных имен: дер. *Dekku*: кар. *Dekku* < рус. Ефим; дер. *Pedri*: кар. *Pedri* < рус. Петр; дер. *Bohdi*: кар. *Bohdi* < рус. Богдан; дер. *Ol'okka*: кар. *Ol'okka* < рус. Алексей; дер. *Leški*: кар. *Leški* < рус. Алексей. В других топонимах закрепились прозвища, родовые именованья: дер. *Tykku*: кар. *tykku* ‘о толстом человеке’; дер. *Mul'ugu*: кар. *mul'ugu* ‘о пьяном человеке’; дер. *Huubii*: кар. *huubii* ‘филин, сова’, в переносном значении ‘одинокий, угрюмый человек’ [7: 180]; *Šomba*: кар. *šombu* ‘кольцо, к которому прикреплялось грузило’, в переносной семантике ‘о маленьком и полном человеке’ [8: 205]. В эту же группу можно отнести и «двойные» именованья, такие как *Närhin Lukki* (*Нярги-Лукка*), *Ahpoi Mikki* ~ *Ahpoi-Mikki* (*Ахпойн-Микки*). Они состоят из патронима в генетиве с окончанием *-n* и личного имени хозяина. Такие патронимы или родовые прозвища выполняли функцию официальных фамилий⁴⁹. Родовая фамилия *Närhi* зафиксирована в Сямозерье⁵⁰, *Lukki* < рус. Лука; *Ahpoi* < рус. Агапий, *Mikki* < рус. Михаил [9].

Историческим фоном формирования названной ойконимной модели являются события пореформенного устройства крестьянства в конце XIX века и Столыпинской реформы начала XX века, которые привели к созданию слоя хозяйственно активных земельных собственников за счет сокращения общинного землевладения [2: 94]. В ходе Столыпинской реформы на Сямозере появились выселки *Aksentii* (*Аксентий*), *Mikkoi*

(*Миккой*), *Korotkoi* (*Короткой*), *Fed'ku* (*Федькин*), *Bul'a* (*Буля*). Хутор с забавным названием *Korotkoi* (*Короткой*) сохраняет память о человеке с соответствующим прозвищем, имеющим русские корни: короткий – видимо, небольшого роста человек, а *Bul'a* (*Буля*) содержит в основе карельское прозвище пучеглазого человека, от кар. *bul'u* ‘глазное яблоко’. Названия хуторов *Aksentii* (*Аксентий*), *Mikkoi* (*Миккой*) и *Fed'ku* (*Федькин*) восходят к календарным именам: кар. *Mikkoi* < рус. Михаил, кар. *Aksentii* < рус. Аксентий, кар. *Fed'ku* < рус. Федор.

ВЫВОДЫ

Антропонимные основы были продуктивны в ойконимии Сямозерья на всем протяжении письменной истории этих мест, то есть почти пятьсот лет. Их популярность обусловлена земледельческой культурой и связанной с ней системой расселения однодворными деревнями, при которой было принципиально важно идентифицировать владельца крестьянского двора. При этом выявилась определенная хронологическая дистрибуция в моделях именованья. Наиболее ранней является модель с формантом *-l/lu* (приб.-фин. *-la*), опосредованным образом представленная уже в материалах XVI века и сохранявшая свою продуктивность вплоть до рубежа XIX–XX веков. На ее фоне модель *-сельга*, а также обширная группа ойконимов, идентичных по форме антропонимам, значительно моложе и связаны с развитием поселенческой сети, особенно в связи с реформами землеустройства крестьян конца XIX – начала XX века. В ойконимах сохранились многие уже утраченные варианты карельских календарных имен, а также уникальные следы некалендарного именованья. Один из наиболее важных выводов проведенного исследования заключается в доказательстве двух уровней номинации: официального и неофициального, которые нередко были достаточно автономны.

* Статья подготовлена в рамках выполнения проекта РФФИ 19-012-00068А «Ойконимическая система южной Карелии: на стыке традиций и инноваций».

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 РГАДА. Ф. 137. Поместный приказ. Олонец. Д. 5. 1657 г. Солдатская перепись Ивана Дивова.
- 2 РГАДА. Ф. 137. Поместный приказ. Олонец. Д. 3. 1667 г. Переписная книга карел-зарубежных выходцев в Олонецком и Заонежских погостах Олонецкого уезда. 114 л.
- 3 Специальная карта Западной части России Шуберта 1826–1840 годов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.etomesto.ru/map-shubert-10-verst/> (дата обращения 15.07.2020).
- 4 РС 1811 – НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 6-й ревизии 1811 г. Д. 23/225. Ревизские сказки государственных крестьян Салменижской вотчины Часовенского, Кунгозерского

- старошенья, Пряжинской, Маньгинской, Сямозерской, Салменижской, Вохтозерской, Вешкельской, Святозерской волостей, приписных к Олонецким Петровским заводам.
- ⁵ Там же.
- ⁶ СНМ 1873 – XXVII. Олонецкая губерния. Список населенных мест по сведениям 1873 года. Издан Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1879. 235 с.
- ⁷ Карлова О. Л. Суффикс -ла в топонимии Карелии: Дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2004. 225 с.
- ⁸ ПК ОП 1563 – Писцовая книга Обонежской пятины 1563 г. // Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг.: материалы по истории народов СССР / Под общ. ред. М. Н. Покровского. Л., 1930. Вып. 1. С. 57–254.
- ⁹ РС 1749 – РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. 1719–1763 гг. Сказки и переписные книги I–III ревизий. Д. 2378. Л. 1–903 об. 1749 г. «Книга переписная мужеска полу душ Новгородской губернии Олонецкого уезду, приписанных к Петровским заводам государственным крестьянам, которые в прежнюю перепись писались государственными же крестьяны, учиненная в 749-м году».
- ¹⁰ РС 1782 – НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 4-й ревизии 1782 г. Д. 2/12. Ревизские сказки государственных крестьян Петрозаводского уезда Сямозерской, Вохтозерской волостей. Д. 4/19. Ревизские сказки государственных крестьян Олонецкого уезда Олонецкого погоста, Обжанской, Тулокской, Кукшигорской, Ведлозерской, Нялмозерской, Вешкельской волостей.
- ¹¹ РС 1850 – НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 9-й ревизии 1850 г. Д. 62/583. Ревизские сказки крестьян Салменижской волости Салменижского мирского общества, приписных к Олонецким заводам. Д. 62/584. Ревизские сказки крестьян Петрозаводского уезда Салменижской волости Часовенского мирского общества, приписных к Олонецким заводам. Д. 62/586. Ревизские сказки крестьян Петрозаводского уезда Салменижской волости Вохтозерского мирского общества, приписных к Олонецким заводам. Д. 63а/606. Ревизские сказки крестьян Петрозаводского уезда Салменижской волости Вешкельского мирского общества, приписных к Олонецким заводам. Д. 63б/635. Ревизские сказки крестьян Петрозаводского уезда Салменижской волости Сямозерско-Кунгозерского мирского общества, приписных к Олонецким заводам.
- ¹² РС 1749 – РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. 1719–1763 гг. Сказки и переписные книги I–III ревизий.
- ¹³ РС 1782 – НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 4-й ревизии 1782 г.
- ¹⁴ РС 1834 – НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 8-й ревизии 1834 г. Д. 59/553. Ревизские сказки казенных поселян Петрозаводского уезда Салменижской вотчины Часовенской, Вохтозерской, Пряженской (Пряжинской), Кунгозерской, Вешкельской, Маньгинской, Святозерской, Сямозерской и Салменижской волостей.
- ¹⁵ РС 1749 – РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. 1719–1763 гг. Сказки и переписные книги I–III ревизий.
- ¹⁶ РС 1850 – НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 9-й ревизии 1850 г.
- ¹⁷ РС 1795 – НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 5-й ревизии 1795 г. Д. 10/73. Ревизские сказки государственных крестьян Петрозаводского уезда Кунгозерской волости. Д. 10/74. Ревизские сказки государственных крестьян Петрозаводского уезда Вешкельской волости. Д. 11/85. Ревизские сказки государственных крестьян Петрозаводского уезда Сямозерской волости. Д. 13/119. Ревизские сказки государственных крестьян Олонецкого уезда Ведлозерского старошенья Ведлозерской, Нялмозерской волостей. Д. 13/120. Ревизские сказки государственных крестьян Олонецкого уезда Салменижского и Крошнозерского старошенья.
- ¹⁸ РС 1815 – НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 7-й ревизии 1815 г. Д. 36/349. Ревизские сказки государственных крестьян Петрозаводского уезда Салменижской вотчины Часовенской, Пряжинской, Маньгинской, Сямозерской, Кунгозерской, Салменижской, Вохтозерской, Вешкельской, Святозерской волостей.
- ¹⁹ РС 1850 – НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 9-й ревизии 1850 г.
- ²⁰ РС 1795 – НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 5-й ревизии 1795 г.
- ²¹ РС 1811 – НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 6-й ревизии 1811 г.
- ²² РС 1850 – НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 9-й ревизии 1850 г.
- ²³ РС 1811 – НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 6-й ревизии 1811 г.
- ²⁴ РС 1850 – НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 9-й ревизии 1850 г.
- ²⁵ ПК 1707 – РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8579. «707-го году. Книга переписная Алексея Федоровича Головина да Андрона Васильева Апрелева за их руками. Всего 568 листов». 550 л.
- ²⁶ ПК 1726 – РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. 1719–1763 гг. Сказки и переписные книги I–III ревизий. Д. 2371. 1726 г. «Книга имянная Олонецкого уезда о душах мужеска полу в Высший Сенат погостом, которые приписаны к Олонецким Петровским и ко всем заводам». 683 л.
- ²⁷ ПК 1707 – РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8579. «707-го году. Книга переписная Алексея Федоровича Головина да Андрона Васильева Апрелева за их руками. Всего 568 листов». 550 л.

- ²⁸ РС 1749 – РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. 1719–1763 гг. Сказки и переписные книги I–III ревизий.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ РС 1850 – НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 9-й ревизии 1850 г.
- ³¹ РС 1749 – РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. 1719–1763 гг. Сказки и переписные книги I–III ревизий.
- ³² РС 1850 – НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 9-й ревизии 1850 г.
- ³³ ПК 1707 – РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8579. «707-го году. Книга переписная Алексея Федоровича Головина да Андрона Васильева Апрелева за их руками. Всего 568 листов». 550 л.
- ³⁴ РС 1782 – НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 4-й ревизии 1782 г.
- ³⁵ РС 1850 – НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 9-й ревизии 1850 г.
- ³⁶ План генерального межевания Петрозаводского уезда Олонецкой губернии, 1790 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.etomesto.ru/map-kareliya_pgm-petrozavodskogo-uezda (дата обращения 15.07.2020).
- ³⁷ РС 1811 – НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 6-й ревизии 1811 г.
- ³⁸ План генерального межевания Петрозаводского уезда Олонецкой губернии, 1790 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.etomesto.ru/map-kareliya_pgm-petrozavodskogo-uezda (дата обращения 15.07.2020).
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ РС 1782 – НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 4-й ревизии 1782 г.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² НАРК 1873 – Таблицы подробного вычисления угодий дачи с. Сямозеро Салминской волости Петрозав. уезда Олон. губ. Ф. 33. Оп. 69. Д. 1/1.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ РС 1782 – НАРК. Ф. 4. Олонецкая казенная палата. Оп. 18. Ревизские сказки 4-й ревизии 1782 г.
- ⁴⁶ НАРК 1873 – Таблицы подробного вычисления угодий дачи с. Сямозеро Салминской волости Петрозав. уезда Олон. губ. Ф. 33. Оп. 69. Д. 1/1.
- ⁴⁷ План генерального межевания Петрозаводского уезда Олонецкой губернии, 1790 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.etomesto.ru/map-kareliya_pgm-petrozavodskogo-uezda (дата обращения 15.07.2020).
- ⁴⁸ НАРК 1873 – Таблицы подробного вычисления угодий дачи с. Сямозеро Салминской волости Петрозав. уезда Олон. губ. Ф. 33. Оп. 69. Д. 1/1.
- ⁴⁹ Карлова О. Л. Суффикс -la в топонимии Карелии: Дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2004. 225 с.
- ⁵⁰ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: LSFU XVI, 1968–1997. Osat 1–6.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жуков А. Ю. Церковно-приходская система Карелии: возникновение и развитие в XV – первой половине XVIII в. // «Уведи меня, дорога»: Сб. статей памяти Т. А. Бернштам. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 249–292.
2. Коралев Н. А. Проведение столыпинской аграрной реформы в Карелии: проблемы землеустройства // Труды КарНЦ РАН. № 4. Сер. Гуманитарные исследования. Вып. 3. Петрозаводск: Карельский научный центр, 2012. С. 93–103.
3. Кузьмин Д. В. Христианские имена карелов // Вопросы ономастики. 2016. Т. 13. № 2 (20). С. 56–86.
4. Муллонен И. И. Очерки вепской топонимии. СПб.: Наука, 1994. 156 с.
5. Муллонен И. И., Жуков А. Ю. Динамика развития ойконимической системы в северолодиковском языковом ареале // Научный диалог. 2020. № 5. С. 113–131.
6. Муллонен И. И., Мамонтова Н. Н. Топонимия как отражение этнического прошлого Сямозерья // История и культура Сямозерья. Петрозаводск: Периодика, 2008. С. 25–38.
7. Карлова О. Karjalainen ja vepsäläinen ei-kristillinen henkilönimikantainen paikkanimistö // Финно-угорская мозаика. Studia Nordica 1. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2016. С. 171–187.
8. Mullonen I. The heritage of the Veps non-Christian onomasticon in southern Svir settlement names // Personal name systems in Finnic and beyond. Uralica Helsingiensia 12. Helsinki, 2017. P. 185–217.
9. Nissilä V. Ortodoksisia henkilönimiä Aunuksen kylännimistöissä // Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. 1973. Vol. 72. S. 239–275.
10. Nissilä V. Suomen Karjalan ortodoksinen nimistö. Helsinki: Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran toimitteita, 1976. 130 s.

Поступила в редакцию 17.08.2020

Anastasia A. Afanasyeva, Senior Lecturer, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
anastasia20085@mail.ru

EVOLUTION OF THE OIKONYMIC SYSTEM OF LAKE SYAMOZERO TERRITORY*

The article reconstructs the chain of changes in the development of oikonyms in the territory of Lake Syamozero, reflected in the written sources over the second half of the second millennium AD. The author studied historical documents dating back between the XVI and the XX centuries to observe the dynamics of the oikonymic system. Three oikonymic models with common anthroponymic origins were analyzed: oikonyms with the formant *-l/-lu*, oikonyms that include the structural component *selgy* meaning ‘mountain’ or ‘hill’, and oikonyms that are identical to anthroponyms. The relevance of the study was to identify a certain chronological distribution in these models. It was also proved that there are two levels of nomination – an official and an unofficial one. The article demonstrates that two names of the same settlement can exist simultaneously: one can appear in the documents of the past centuries, while another can be used in oral practice. It also traces the etymology of names originating from calendar and non-calendar names.

Keywords: oikonym, anthroponym, toponymic models, Karelian toponymy, Karelia, Livvi-Karelians

* The article was written as part of the Russian Foundation for Basic Research project No 19-012-00068A “The oikonymic system of Karelia: at the crossroads of tradition and innovation”.

Cite this article as: Afanasyeva A. A. Evolution of the oikonymic system of Lake Syamozero territory. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 7. P. 64–71. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.540

REFERENCES

1. Zhukov A. Yu. The church-parish system of Karelia: its emergence and development between the XV and the first half of the XVIII centuries. “Road, take me with you”: *Collection of articles in memory of T. A. Bernshtam*. St. Petersburg, 2010. P. 249–292. (In Russ.)
2. Korablyov N. A. Stolypin land reform in Karelia: problems of land management. *Transactions of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences*. 2012. No 4. Humanitarian studies. Vol. 3. P. 93–103. (In Russ.)
3. Kuz'min D. V. Christian names of Karelians. *Problems of Onomastics*. 2016. Vol. 13. No 2 (20). P. 56–86. (In Russ.)
4. Mullonen I. I. Essays on the Veps toponymy. St. Petersburg, 1994. 156 p. (In Russ.)
5. Mullonen I. I., Zhukov A. Yu. Dynamics of development of oikonymic system in northern Lyudik language area. *Nauchnyi Dialog*. 2020. No 5. P. 113–131. (In Russ.)
6. Mullonen I. I., Mamontova N. N. Toponymy as a reflection of the ethnic past of the territory of Lake Syamozero. *History and culture of Syamozerye*. Petrozavodsk, 2008. P. 25–38. (In Russ.)
7. Karlova O. Karjalainen ja vepsäläinen ei-kristillinen henkilönnimikantainen paikannimistö. *Finno-Ugric mosaic. Studia Nordica 1*. Petrozavodsk, 2016. P. 171–187.
8. Mullonen I. The heritage of the Veps non-Christian onomasticon in southern Svir settlement names. *Personal name systems in Finnic and beyond. Uralica Helsingiensia 12*. Helsinki, 2017. P. 185–217.
9. Nissilä V. Ortodoksisia henkilönnimiä Aunuksen kylännimistöissä. *Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja*. 1973. Vol. 72. S. 239–275.
10. Nissilä V. Suomen Karjalan ortodoksinen nimistö. Helsinki, 1976. 130 s.

Received: 17 August, 2020